

Встреча с интересным
человеком

народной артисткой СССР,
Героем Социалистического Труда
Ириной Николаевной
БУГРИМОВОЙ

Полвека отдала она делу служения манежу. Изюм в день творила принародно то, что всегда удивляло и радовало: звери в контакте с ней начинали «понимать» людской язык.

В творческом «послужном списке» Бугримовой значится и воздушный полет, и конная дрессура, и аттракцион «Круг смелости», и большой аттракцион с дрессированными львами, который пользовался исключительным успехом как у зрителей, так и у профессионалов цирка...

Недавно видному мастеру круглой арены Указом Президиума Верховного Совета СССР присвоено звание Героя Социалистического Труда. Впервые в истории этой высочайшей награды удостоена артистка цирка.

ПОЛВЕКА

НА АРЕНЕ СМЕЛЫХ

— Прежде всего, Ирина Николаевна, разрешите от имени читателей «Ленинского знамени» поздравить вас с почетной наградой Родины.

— Большое спасибо. В эти дни я получила много писем и телеграмм из разных уголков Советского Союза. Поздравления и теплые слова тружеников Подмоскovie для меня очень приятны.

— Золотую Звезду Героя вы получили накануне своего юбилея. Семьдесят лет укротительнице хищников!

— Почему-то в сознании зрителя век артиста-дрессировщика очень короткий. Да, профессия рискованная, но, поверьте, риск такой же, как и во многих других цирковых жанрах, к которым относятся более спокойно. Хотя, конечно, ежедневный спектакль стоит дрессировщику огромного напряжения. Это кропотливая работа, ведь у каждого участника моего рычащего хозяйства свой характер, свои привычки и свои взаимоотношения с остальными собратями.

Всего не предусмотреть. И никогда нет уверенности, что выступление пройдет гладко и спокойно. Дрессированные звери — это все же звери. Вот один лев вдруг возманился выяснять отношения с соседом по тумбе. Другой — умница, всегда сговорчивый — отчего-то стал трескуч раздражительным, третий беспринципно капризничает. А я, не забывая о сюжете спектакля, должна по ходу действия быть мудрым судьей: утихомиривать страсти, подавлять стычки животных и другие незапланированные «трюки». При всем этом нельзя давать волю собственному раздражению.

В такие минуты дрессировщик становится поистине укротителем. А вообще менее всего стремимся мы грубо подавлять «капризы» животных, запугивать их водой из шланга, ударами трезубца. Только дуровская школа дрессировки позволяет «раскрепостить» хищных зверей, придать их поведению на манеже непринужденность, сделать их покладистыми.

— Ирина Николаевна, к вопросам дрессировки мы еще вернемся... Хотелось бы узнать, как вы решили стать артисткой цирка.

— В юности я увлекалась спортом. В частности, легкой атлетикой, добилась в метании диска и копья неплохих успехов, даже была чемпионкой и рекордсменкой Украины. А в цирк мы пришли вместе с Александром Николаевичем Буслаевым. Нам предложили создать спортивно-акробатический аттракцион «Полет на санях из-под купола цирка». Начали репетировать. Сразу открыли манеру исполнения иностранных артистов-гастролеров, которые обставляли подобные номера долгой сценой «прощания» с семьей, с публикой... Нам это было противно. Успех полета гарантировала точно выверенная аппаратура. Мы не хотели подчеркивать опасность, омрачать настроение зрителей. Наоборот, делали все с улыбкой, жизнерадостно, насытили аттракцион спортивными упражнениями, танцами, световыми эффектами.

Нашу работу хорошо принимали. Но, несмотря на это, мне хотелось больше, меня тянуло к дрессуре. На свои деньги купила красивую рыжую лошадь, подготовила номер «Высшая школа верховой езды» и параллельно с «Полетом на санях» выступала в конном жанре. А в 1940 году мы с Буслаевым показали аттракцион с дрессированными хищниками «Круг смелости». Это было одно из наиболее оригинальных произведенных дней. В основе аттракциона лежало сочетание таких разнородных жанров, как дрессировка львов и мотогонок по вертикальной стене.

— Ирина Николаевна, наверное, когда вы стали репетировать с хищными животными, возникло немало трудностей. Нелегко быть первой в стране укротительницей?

— Трудно, потому что не с кого было брать пример. Заграничные укротители чаще всего строили свои номера в стиле возбужденной дрессировки. Они горячили зверей, инсценировали мнимые моменты непочинования, ярости и нападения хищников, а сами при этом изображали «сверхлюдей» — изобреточных, бесстрашных, находчивых.

Решила создать номер иного плана: представлять своих подопечных не как «кровожадных владык пустыни», а как приру-

ченных партнеров. Хотелось трюбователю сочетать с мягкостью, трогательной нежностью. В клетку входила просто и спокойно, разговаривала со львами, находя для каждого нужное слово, нужную интонацию. И создавалось такое впечатление, что животные прекрасно понимают меня, что они осмысленно выполняют все мои команды, все трюки и домашние заготовки.

В цирке не скажут об артисте: играет — как в театре, исполняет, выступает — как на эстраде. В цирке говорят: работает. Но Бугримова на манеже — это не просто работа мастера, а и выход великолепной актрисы...

С 1943 года Бугримова работает самостоятельно, вначале с пятью львами, потом с группой из восьми — одиннадцати царственных хищников. В новом аттракционе встречались трюки, которые показывали и другие укротители. Например, львы ложились на арену, устраивая живой «ковёр», на котором отдыхала дрессировщица. Они располагались на разновысоких тумбах, образуя причудливые пирамиды, прыгали через обручи, в том числе и через огненные.

Но Бугримова создала и ряд принципиально новых трюков. Так, от арены и до верха клетки по двум натянутым под углом канатам шествовал лев-балерс. Несколько львов один за другим проходили по высоко отстоящему от земли бревну. Вместе со львом укротительница качалась на канатах, вела над клеткой чуть ли не под самым купол...

— Ирина Николаевна, как же удалось подготовить такой небывалый трюк?

— Львы боятся высоты. Но очень хотелось поднять их в воздух. Начала потихонечку, исподволь готовить Раджа. Делала так: кормила его на площадке, а в это время нас сантиметр за сантиметром плавно поднимали над землей. Если зверь прыгал вниз, я «забывала» давать ему лакомые кусочки мяса, занималась с другими. Радж равново озирался вокруг и недовольно шел к площадке, вспрыгивал на нее. И я туда же. С каждым днем нас поднимали все выше и выше. Так и отработали уникальный трюк «лев в воздухе». Только однажды Радж показал, что ему все-таки страшно наверху: мы раскочивались под лирическую мелодию, вдруг лев посмотрел вниз на заполненные ряды циркового партнера, как-то весь сжался и... выпустил когти — резкая боль пронзила мне ногу.

— Иной раз нам, зрителям, сидящим в безопасности, может показаться, что львы прямо-таки сверхпослушные партнеры. Но, как видно, от ваших рыжих питомцев можно было ожидать всяких сюрпризов.

— В клетке у меня царил строгая дисциплина, но иногда случались и неприятные эпизоды. В сочинском цирке неожиданно на представлении львы сцепились в огромный желтый клубок. Паника, начавшаяся в публике, только подлила масла в огонь. Звери дрались самозабвенно, рычали, катались по манежу. По опыту я понимала, что как только драчуны утихомирятся, они бросятся на меня. Недаром же один из них отрезал меня от выхода из клетки. Только душ из брандспойтов охладил пыл нападающих. Но труппу после этой общей потасовки сохранить не удалось: у животных остался рефлекс ненависти друг к другу. Пришлось всех отправить в зоопарк. Начала все сначала.

Еще один мелкий конфликт... Был у меня лев Гриф. В зверином спектакле ему отвела роль упрямого. Я пресмыкала его покинуть тумбу и идти делать свой номер, он отказывался. Затем я уже требовала, он лениво отворачивался, делая вид, что все это его не касается. Дальше по сценарию я шла за вилами, но в тот день Гриф переиграл: неожиданно царапнул лапой мое лицо. Закрыв рана лигнином, с трудом довела представление до конца. Потом меня отвезли в больницу.

— Но были и забавные случаи?

— Случалось и такое. Както я работала в одной программе с конным номером Лерри. Служитель плохо закрыл дверь клетки, и лев Аракс оказался на свободе. Прогуливаясь по конюшне, он увидел лошадь и вполне миролюбиво вскочил ей на спину, очевидно, вспомнив такой трюк из аттракциона. Лошадь обезумела от страха, скинула непроизвольно наездника и так ударила его задними но-

гами, что тот отлетел в сторону. На шум в конюшне сбежались служители, артисты, я тоже. Мы увидели, как взбешенная лошадь ожесточенно била задом, ржала, а «царь зверей» затаился от греха подальше в ящике с овсом...

— Вот еще о чем хотелось бы поговорить. Есть ли соперничество в советском цирке? Ну, к примеру, в среде дрессировщиков?

— Дух творческого соревнования есть, взаимовлияния. Учиться можно у, так сказать, «классиков» искусства дрессуры. И стараться не походить ни на кого.

— Что вы думаете о цирковой публике? Ну, дети есть дети, а вот взрослая аудитория?

— Культура советского зрителя — городского и сельского — сегодня очень высока. И к нам в цирк приходят такие же зрители, как, скажем, в Большой театр, Малый или во МХАТ. Цирковая аудитория изменилась — ее труднее сегодня удивить.

А что касается сельского зрителя... На наших глазах стирается грань между городом и селом. Партия и правительство делают все возможное, чтобы труженики колхозных и совхозных полей имели широкий доступ к лучшим образцам литературы и искусства. Образцово обслуживать тружеников села, щедро дарить им жизнеутверждающее и светлое, наступательное и звонкое искусство наше — почетный долг всех цирковых артистов.

Знаете, в Москве, помимо двух стационарных цирков, существует дирекция коллективов «Цирк на сцене». У артистов этих коллективов нелегкая жизнь: они вынуждены во время своих бесконечных переездов постоянно приспосабливаться к новым размерам сцены, новому освещению, к различной высоте потолков, осуществлять нелегкую подвеску аппаратуры и всегда вовремя начинать представление. Но именно такая приспособленность артистов к сцене позволяет им гастролировать во дворцах культуры и клубах Подмоскovie, ездить и подальше, туда, куда не заглядывает шапито.

— Ирина Николаевна, что вы думаете о путях развития советского циркового искусства, о его завтрашнем дне?

— То, чем советский цирк является сегодня и чем мы по праву гордимся, — результат работы, творческих поисков мастеров нескольких поколений. Сегодняшней цирковой молодежи досталось большое и богатое наследие. У нее есть все условия для экспериментирования, улучшения уже созданного в любимом жанре. И все-таки я понимаю, что молодежи трудно. Потому что в искусстве всегда трудно, и жизнь подлинно творческого человека неизбежно беспокойна. Достижения нашего цирка очень высоки, а между тем обязательно нужно делать — и в первую очередь молодым — следующий шаг вперед. Таков непреложный закон искусства.

Скажу еще: простор для творчества все так же необозрим, как и тогда, когда начинали мы. Я советую молодым требовательно относиться к себе, работать азартно, с максимальной творческой отдачей, быть не ремесленниками, а воистину артистами, готовить себя к новому, искать, искать... Они должны помнить, что придет время и по ним станут подводить итоги, определять уровень и достижения нашего циркового искусства в целом. Убеждена, что и завтра миллионы людей будут пленять высокая профессиональная зрелость нашего цирка, его оптимистичность и мажорность.

В 1976 году Ирина Николаевна Бугримова закончила выступать. Уйдя с манежа, она не ушла из цирка. У нее множество общественных нагрузок: она член партийного комитета Союзгосцирка, председатель совета ветеранов цирка, член режиссерской коллегии, художественного совета... Она по-прежнему в гуще всех творческих и организационных дел.

— Ирина Николаевна, и последний вопрос... Чеховский Вершинин сказал, что, если бы ему была дана возможность начать жизнь сначала, он бы не стал повторять ее. А вы избрали бы снова путь на манеж?

— Обязательно. Я не мысля себя вне циркового искусства. И мне очень приятно, что я внесла в него хоть малую толику своего.

Беседа
С. ИВАИ